Оглавление

Начало 3
Глава 1. Укус вампира 6
Глава 2. Ненадежные свидетели. 17
Глава 3. Упражнения в логике 30
Глава 4. Ангел и демон 41
Глава 5. Происшествия в Сумниковом переулке 67
Глава 6. Первые версии 91
Глава 7. Семейные тайны 109
Глава 8. Признание секретаря 127
Глава 9. Хлопотный гость 150
Глава 10. Два портрета 173
Глава 11. Особняк на Чистопрудном бульваре. 191
Глава 12. Сплетни 212
Глава 13. Тайна замкового подземелья 230
Глава 14. Жажда крови 245
Глава 15. Побег 258
Глава 16. Исповедь доктора 271
Глава 17. Сказка о трех бесах. 296
Заключение 310

Начало

Елизар Лукьянович Кошкин не любил весну, особенно раннюю, когда серо да слякотно. Причин тому имелось множество, но главными из них были те, что худые его башмаки ранней весною промокали до невозможности и что владелица дома, где Елизар Лукьянович со своей ненаглядной женой Настенькой снимали комнату, прекращала топить, отчего комната за ночь выстуживалась так, что замерзала вода в рукомойнике.

В этом году и вовсе весна в Москве выдалась какая-то нерешительная. То несколько дней кряду держалась ясная, веселая погода, снег начинал таять, заливая улицы глубокими и бескрайними лужами; то вдруг все сковывало морозом, налетала метель, укрывала город снежным одеялом и развеивала колючей поземкой всякие надежды на тепло.

Сегодняшний день выдался как раз такой, вьюжный да зябкий. Но Елизар Лукьянович не унывал: хотя бы башмаки не мокли, а что холодно — то не беда, быстрее до дома добежит, где ждет его с нетерпением Настенька, свет его очей.

От почтовой конторы, где Елизар Лукьянович служил в чине коллежского регистратора, до дома бодрой рысцой бежать ему было более получаса, и то если темными заулками да подворотнями. Маршрут этот его не страшил, поскольку взять с коллежского регистратора было нечего, кроме протертой до дыр шинели да драных башмаков. Так что для лихих людей в Елизаре Лукьяновиче интереса никакого не было, а с бродячими собаками он как-то по легкости своей и душевности всегда находил общий язык, да так, что те еще и сопровождали его полдороги, весело виляя облезлыми хвостами.

В этот вечер, правда, ни людей, ни зверей Елизару Лукьяновичу не встретилось — видать, вьюга разогнала их по углам и щелям. Лишь на углу Большого Сергиевского переулка показалось ему, что мелькнула у покосившегося забора какая-то блеклая тень да и растворилась в снежном мареве.

Елизару Лукьяновичу оставалось до дому каких-то два проулка и три проходных двора, когда вдруг ему снова почудилась давешняя тень, вынырнувшая на этот раз из какого-то темного угла. Тень эта походила не то на черного монаха в куколе, не то на укутанную в темные шали цыганку. Двигалась тень на удивление скоро, плавно и бесшумно. Отвлеченный странным зрелищем, Елизар Лукьянович в который раз уже поскользнулся, глянул под ноги, а когда снова поднял глаза на странную тень, та оказалась прямо перед ним.

Коллежский регистратор даже вроде и не испугался, а только лишь до крайности изумился, но тут тень, проявив свою телесную таки природу, пихнула Елизара

Лукьяновича в грудь, да с такой силой, что он отлетел и больно ударился спиной и затылком о мерзлую грязь. В глазах у него на мгновение помутилось, а когда зрение снова обрело ясность, увидел он склонившееся над собой страшное лицо, словно бы помертвелое, с пустыми неподвижными глазами. Елизар Лукьянович зажмурился и хотел закричать, но от ужаса в горле абсолютно пересохло, и вырвался у него лишь слабый оборванный хрип. Тень ухватила коллежского регистратора за волосы и запрокинула ему голову. Елизар Лукьянович почувствовал на своей тощей шее жаркое дыхание, а после испытал острую боль, будто бы в горло впились зубами.

За воротник коллежского регистратора потекло что-то горячее, боль и страх отступили. «Да я же умираю! — ошеломленно понял Елизар Лукьянович.— Как же это?» Он еще вознамерился помолиться напоследок Богородице, да не успел: лишь слетело с его побелевших губ имя любимой жены и мелькнул перед затухающим взором просвет снежного московского неба, зажатый между косыми крышами.

Глава 1

УКУС ВАМПИРА

Белецкий с недовольным видом стоял перед массивным, словно устой моста, столом в кабинете рудневского особняка на Пречистенке и перебирал адресованную хозяину дома корреспонденцию. Всю деловую и финансовую переписку он изымал сразу же, поскольку, будучи секретарем Руднева, вел ее сам и оставлял для адресата лишь личные письма, приглашения на приемы и тому подобное. На каждом конверте с эпистолой неличного содержания Белецкий делал пометки о важности и срочности, которые непременно умещал в пять слов, написанных строгим каллиграфическим почерком, а после раскладывал конверты в аккуратные стопки, сортируя по дате требуемого ответа.

Выросшие до значительных размеров бумажные башни вот уже неделю как оставались нетронутыми, а некоторые из них и вовсе были порушены и свалены небрежной рукой адресата в одну кучу. Заново перебирая конверты, не терпящий беспорядка Белецкий ворчал себе под нос

по-немецки — водилась за ним, сыном германского инженера, такая привычка — и подумывал, не стоит ли в воспитательных целях выложить перед Рудневым всю эту кипу писем за ужином. Фридрих Карлович Белецкий, хотя формально и состоял при Дмитрии Николаевиче Рудневе управляющим делами и личным секретарем, на деле был его компаньоном, соратником в делах и верным другом, а в свое время — состоял при Митеньке Рудневе гувернером. Это положение — и прошлое, и нынешнее — как он считал, требовало от него строгости в отношении разгильдяйства, свойственного его бывшему воспитаннику в некоторых вопросах, и давало полное право не только выражать недовольство, но и принуждать Дмитрия Николаевича к исправлению своего поведения.

Белецкий отложил предложение об участии в вернисаже у Морозовых, запрос из салона госпожи Рахмановой и просьбу об интервью от журналиста Сорокина, решив, что ответит на них сам. Затем выбрал из стопки личной переписки письмо от хорошо ему знакомого товарища Руднева по университету, сочтя, что и здесь вернее будет отписаться самому. Среди приглашений на всякого рода приемы Белецкий отобрал те, что были уже пропущены, а потом, немного подумав, прихватил и все остальные, чтобы написать на них отказ под каким-нибудь благовидным предлогом. С приглашениями ситуация была обычной, поскольку светских приемов Руднев не любил. Уставая от общества неинтересных ему людей, он считал их скучным и бессмысленным времяпрепровождением, поэтому посещал лишь те, манкировать которыми было бы уже совсем верхом неприличия.

В нынешнем расположении духа Дмитрий Николаевич вообще из дома не выходил, проводя все время в своей художественной мастерской, где не столько работал, сколько просто скрывался от всех и вся. Причина такого настроения была в авторе десятка оставленных Белецким на столе писем, надушенных томными духами, подписанных изящным почерком и запечатанных красным сургучом с оттиском витиеватой литеры S.

Лишь благородство натуры останавливало Белецкого от того, чтобы забрать эти письма и сжечь. В вопросах нежных чувств он был рационалистом и считал, что любовь, как хорошее вино, должна потребляться в меру и похмелья после себя не оставлять. Руднев же в этом плане представлял собой его полную противоположность и отличался крайней романтичностью натуры, а потому влюблялся пылко и отчаянно, вызывая в предмете своего обожания не менее сильные встречные чувства. Он вообще пользовался у дам неизменным успехом, поскольку обладал достоинствами, способными удовлетворить практически любые женские запросы.

Неженатый двадцатипятилетний Руднев был знатен и богат и, хотя чинов не имел, являлся известным в нынешнем московском высшем свете художником. Писал он в стиле, по российским понятиям легкомысленном, но в последнее время модном — заимствованном у английских прерафаэлитов.

В светских салонах, где Дмитрий Николаевич пусть очень редко, но все-таки появлялся, за ним признавались безупречные манеры, острый ум и блестящая эрудированность, делавшие его крайне приятным в общении чело-

веком. Несмотря на свою немногословность и даже, пожалуй, определенного рода замкнутость, он при желании умел обаять ненавязчивой обходительностью, развлечь интересным разговором или позабавить изящной шуткой. Делал он это непринужденно и без всякой избирательности, так что всякая дама, оказавшаяся подле него, независимо от своего возраста и степени очарования, чувствовала себя предметом искреннего и уважительного интереса.

Внешность Дмитрия Николаевича тоже, надо признать, исключительно радовала придирчивые женские взгляды. Он был статен и ладно сложен, хотя невысок ростом, и производил впечатление той хрупкости, какая свойственна образам молодых людей на картинах Раннего Возрождения. При этом в его движениях и осанке чувствовались скрытая сила и спокойная уверенность в себе, дополнявшиеся неизменным чувством собственного достоинства, отчетливо читаемым на благородном, поражавшем античною правильностью черт лице Дмитрия Николаевича. Отлично понимая незаурядность своей наружности, Руднев не отказывал себе в удовольствии придать ей дополнительный богемный шарм и потому носил волосы едва не до плеч. Слегка волнистые, цвета холодного золота, они придавали ему еще большее сходство с персонажами полотен Боттичелли, Гирландайо или Больтраффио [1].

[1] *Сандро Боттичелли* (1445—1510), *Доменико Гирландайо*, настоящее имя Доменико ди Томмазо Бигорди (1448—1494), *Джованни Антонио Больтраффио* (1466—1516) — художники эпохи Возрождения.

Однако самой обворожительной деталью внешности Дмитрия Николаевича все дамы поголовно считали глаза. Большие, серые, словно дымчатые топазы, они обычно взирали на мир меланхолично, туманно и рассеянно, но буквально в один миг их взгляд волшебным образом мог становиться острым, завораживающе-цепким и таким проницательным, будто обладал способностью видеть суть вещей и заглядывать в самые потаенные глубины человеческой души.

Что касается гардероба, то тут Руднев отдавал предпочтение элегантному классическому стилю, который при этом позволял себе разнообразить нарочито небрежно повязанным галстуком или щегольской шляпой новомодного фасона. Кроме того, за Дмитрием Николаевичем водилась одна странность: на правой руке он всегда носил перчатку и ни при каких обстоятельствах не снимал ее на людях. Особам впечатлительным эта его экстравагантная привычка казалась крайне загадочной и волнующей, хотя на самом деле объяснялась просто и прозаично: под перчаткой Руднев прятал уродовавшие его руку шрамы, о происхождении которых распространяться не любил.

В общем, Дмитрий Николаевич являл собой в женских глазах если не идеал, то уж верно объект более чем интересный и заслуживающий особо пристального внимания.

Сам же Руднев в женщинах искал вдохновения. Определив для себя очередную музу, он отдавался чувствам целиком и без остатка, искренне боготворя предмет своего обожания и увлекая избранницу в пучину безудержной страсти. Роман обычно длился не долее

нескольких месяцев, поскольку ни один нормальный человек не способен дольше выдержать такой накал страстей. Влюбленность сгорала дотла, и ее пепел болезненно саднил души обоим.

Музы, по обыкновению, сперва погружались в тоску и кидались в истерические упреки, а после разрыва отношений долго еще писали Дмитрию Николаевичу нервные письма, залитые слезами — то злыми, то страдальческими.

Дмитрий же Николаевич переживаний или даже просто печали не проявлял, но делался отстраненным, нелюдимым и, казалось, полностью отрешенным от жизни. Всякие эмоции и чувства в нем будто бы замирали, и, пока раны не излечивало время, вывести Руднева из этого душевного паралича не представлялось никакой возможности. Единственное, что могло его растормошить,— это новая муза, захватывающая творческая идея или интересное дело, относящееся к другой стороне жизни Дмитрия Николаевича, ни в коей мере не связанной с живописью. Эту другую сторону он не афишировал, и знал о ней лишь очень небольшой круг людей.

Руднев, модный салонный художник, щеголь, богач и покоритель дамских сердец, с отличием окончил юридический факультет Московского университета, а после вот уж более пяти лет частным порядком сотрудничал с московским уголовным сыскным управлением, принимая участие в расследовании самых запутанных и жестоких преступлений. Привлек его к этому сыскной надзиратель коллежский асессор Анатолий Витальевич Терентьев, которого судьба дважды сводила с еще

совсем юным Рудневым при обстоятельствах страшных и даже роковых; в ходе их прояснения Терентьев и разглядел в молодом человеке удивительный талант к криминальным расследованиям.

Анатолий Витальевич неоднократно предлагал Рудневу поступить на официальную службу, но тот отказывался, ссылаясь на причины из области высокой нравственности, по которым они с Терентьевым неоднократно пылко спорили, да так ни к чему и не пришли. Убедившись в тщетности своих уговоров, Терентьев ходатайствовал о дозволении Рудневу участвовать в расследованиях на правах частного консультанта. Возглавлявший в ту пору московский уголовный сыск Владислав Рудольфович Рыковский сперва отнесся к этой идее скептически, но, уважая мнение Анатолия Витальевича, дозволение дал. После нескольких успешных дел, в коих Дмитрий Николаевич проявил себя исключительно, Рыковский пригласил Руднева к себе на беседу и тоже предложил службу в уголовном сыске, но молодой человек и тут отказался. В общем, так и продолжил Дмитрий Николаевич расследовать уголовные преступления вместе с сыскной полицией, оставаясь лицом неофициальным.

Белецкий снова разложил письма в аккуратные стопки, подписал несколько конвертов и, будучи уверенным в абсолютной напрасности этих своих действий, вышел из кабинета. Тут его остановил старый дворецкий Тимофей Кондратьевич и сообщил, что к Дмитрию Николаевичу пожаловал господин сыскной надзиратель. Белецкий проводил Анатолия Витальевича в гостиную,

а сам отправился за Рудневым в мастерскую, искренне надеясь, что принесенные Терентьевым новости помогут вернуть Дмитрия Николаевича к нормальной жизни.

Руднев рассеянно поздоровался с сыщиком и, сев напротив, уставился куда-то будто сквозь Анатолия Витальевича. Коллежский асессор некоторое время выжидал, надеясь на проявление каких-либо признаков интереса к своей персоне, но, так и не дождавшись, неожиданно поинтересовался:

— Дмитрий Николаевич, вы верите в вампиров?

Вопрос был таким ошеломительно нелепым, что не сразу пробился сквозь марево рудневской хандры. Наконец в туманных глазах Дмитрия Николаевича появились отблески заинтересованности.

— В каких вампиров? — переспросил он удивленно и тряхнул головой, как человек, сгоняющий с себя остатки сна.

— А вы что, в каких-то верите, а в каких-то — нет? Меня-то по понятным причинам московские интересуют.

Руднев потер руками лицо, выпрямился в кресле и протянул руку к папке, которую Терентьев держал при себе.

— Покажите,— попросил он.

Сыщик передал папку. Поверх остального в ней находились фотографии мертвого молодого человека в форме чиновника почтового отделения, лежавшего на мерзлой грязи в какой-то подворотне. На снятой крупным планом шее были отчетливо видны два черных следа, оставленных как будто клыками.

— Ему прокололи сонную артерию в двух местах. Он истек кровью за несколько минут.— Руднев перебрал

все фотографии. — Вокруг тела крови нет. Жертву переместили с места убийства?

— Да нет, Дмитрий Николаевич. Судя по следам, нашли его именно на том месте, где и убили. Но крови там действительно не было, хотя тело обескровлено. Дальше есть отчет патологоанатома.

— Выглядит и впрямь как klaffende Vampirbisse [1], — заметил Белецкий, взяв из рук Дмитрия Николаевича несколько фотографий.

— Анатолий Витальевич, расскажите все, — попросил Руднев, отложив папку.

— Извольте! Убитый — некто Елизар Лукьянович Кошкин, коллежский регистратор, служащий почтового управления. Найден утром третьего дня. По свидетельству жены, вечером со службы домой не вернулся. Тело было обнаружено в десяти минутах ходьбы от дома, по дороге от почтовой конторы. По заключению доктора, смерть произошла поздно вечером, как раз в тот интервал времени, когда Кошкин должен был возвращаться со службы. Вероятнее всего, на него напали, когда он шел из конторы. Причина смерти — обескровливание. Кроме двух проколов на шее, у жертвы есть синяки на спине и шишка на затылке, полученные, как предполагает доктор, в результате падения. Других повреждений нет. Свидетелей происшествия тоже нет.

— Но это еще не все? Так? — спросил Руднев, когда, завершив свой короткий рассказ, Терентьев замолчал.

---

[1] *Klaffende Vampirbisse (нем.)* — укус вампира.

— Не все, — согласился тот. — Поскольку смерть показалась мне странной, я велел поискать нечто подобное в отчетах околоточных за последний месяц. В рапортах нашлись два схожих случая. Первый — смерть нищего дурачка, побиравшегося на паперти церкви Сошествия Святого Духа, что на Лазаревском кладбище. Второй — смерть старухи в Кожевниках. Оба происшествия сочли смертью от естественных причин. Нищий вроде как замерз спьяну, а старуха от возраста преставилась, но в обоих случаях отмечено, что на шеях жертв были обнаружены следы, похожие на klaffende Vampirbisse, как вы, господин Белецкий, изволили выразиться. Правда, у нищего, судя по протоколу, оказалось не две раны, а шесть. Впрочем, сколько бы их там ни было, тогда отметинам этим никто никакого значения не придал.

— Тела эксгумировали? — спросил Руднев.

— Старуху — да. Из-за промерзшей земли тело неплохо сохранилось, и факт наличия проколов на шее удалось подтвердить. Также патологоанатом предположил с высокой степенью вероятности, что тело было обескровлено. Там в папке есть отчет и фотографии по эксгумации.

— А что с нищим?

— Тут все сложнее. Тело схоронили на Лазаревке в общей яме. Сами понимаете, отыскать его там — задача почти нереализуемая. Поэтому от эксгумации отказались.

— В тех двух случаях были свидетели?

— Ну, с Хитровкой, ясное дело, даже если и были, нам их не найти, а вот в случае со старухой свидетель есть. Правда, толку в нем совершенно никакого.

— То есть?

— Свидетель, если это вообще свидетель,— полоумная внучка старухи. Якобы что-то она там видела, но внятно рассказать ничего не может. Разумом — что пятилетний ребенок.

— Но с нее снимали показания?

— Да какие там показания, Дмитрий Николаевич! Говорю же вам, совсем баба умом скорбная. Рассказывает, что к бабке приходила смерть и что, дескать, и к ней она подбиралась, но тут ее спугнул сосед.

— Она ее как-то описывает?

— Кого? Смерть? Как вы себе такое представляете?

— Вы сказали, она как пятилетний ребенок. В таком возрасте человек вполне способен описать словами увиденное. Пусть неточно, но какие-то детали он обязательно заметит и назовет. В любом случае других свидетелей, как я понимаю, нет?

— Увы! Тут вы правы, к сожалению! Ни свидетелей, ни каких-либо улик у нас нет.— Анатолий Витальевич развел руками.

— Тогда поедем в Кожевники к внучке старухи. Я попытаюсь с ней поговорить.— Дмитрий Николаевич так энергично вскочил, и на лице его была такая заинтересованность, что Белецкий удовлетворенно хмыкнул, порадовавшись произошедшей с Рудневым метаморфозе.

— Хорошо! Поедемте,— согласился Терентьев.— Не уверен, что из вашей затеи что-то получится, но чем черт не шутит.